

The background is a rich, textured painting of a forest. In the foreground, several birch trees with their characteristic white bark and dark lenticles stand prominently. The ground is covered in dense green and brown foliage. In the middle ground, a rocky outcrop or cliff face is visible, with a small figure in a red garment standing on it. The background shows a dense forest of various trees, including pines, under a soft, hazy sky. The overall mood is serene and naturalistic.

Алексей Павлюшин

Сибирские байки

Деревенские рассказы "Из ряда вон"

16+

Алексей Павлюшин
**Сибирские байки.
Сборник рассказов**

«Автор»

2015

Павлюшин А. В.

Сибирские байки. Сборник рассказов / А. В. Павлюшин —
«Автор», 2015

Здравствуй, дорогой читатель! "Сибирские байки" - это сборник рассказов о деревне. Здесь ты найдешь нетипичные, яркие случаи из сельской жизни. Также хочу отметить - это сатирические рассказы и за юмористическим образом почти всегда стоят чьи-то заблуждения или даже целая трагедия. На этих страницах ты найдешь и социальную драму, и активность от скуки, и стариковскую мудрость, и деревенский праздник, и безалаберность самоуправления и даже такой привычный всякому русскому человеку "конец света". Но все это неизменно пропитано непосредственностью и устойчивой любовью деревенского человека к своей земле и односельчанам. Хотя он сам подчас об этом даже не подозревает. В качестве обложки использован фрагмент произведения Ивана Ивановича Шишкина.

© Павлюшин А. В., 2015

© Автор, 2015

Алексей Павлюшин

Сибирские байки. Сборник рассказов

Сказочник

Жил в маленькой таёжной деревеньке старик. Был работающим и изобретательным, имел трое детей, которые, как водится, выросли очень быстро, и после учебы в университете, вернувшись покрутились, осмотрелись и переехали в райцентр, за перспективами. Через время похоронил супругу и стал часто болеть и вообще немного сдал. Старший сын Павел навещал его чаще остальных, а как-то и вовсе предложил перебраться к нему насовсем. Старик еще покочевряжился для порядка, но согласился.

Новая жизнь ему по началу нравилась, хорошие условия и внуки рядом, да вот стал он замечать, что сноха то грубит, то ужинать не зовет, в общем он ей вдруг оказался крайне не по душе. Как-то в разговоре с Павлом, поделился измышлениями на этот счет. Сын сначала его на смех поднял и предположил, что это все старческая мнительность и надуманность или того хуже паранойя. Но через короткое время стал обращать внимание, что наблюдения отца, все же имеют под собой основания. Был разговор с супругой, даже можно сказать – скандал, но Анна была настроена неуклонно, и обосновывая свою позицию говорила в том числе так:

– Чему он наших детей учит, он же врет на каждом шагу... да еще этот запах!

Павел небылицы отца ложью не считал, а уж такой нелепый повод как старческий запах вперемешку с табачным, достаточным основание для выселения из дома родного человека и вовсе не видел. Но вместе с тем он понимал и то, что, если женщине не нравится в человеке что-то одно, она найдет способ возненавидеть и все остальное. Старик даже подумывал вернуться обратно в свою деревню, но времени уже прошло достаточно и дом, оставленный без присмотра, наверняка порядком растащили, а восстановление было теперь не по силам. Меж тем, страсти накалялись, и достигли критической фазы. В конце концов Павел решил построить для отца другой дом, а на время строительства переселил его в бывшую летнюю кухню. Новый дом получился не великим и более чем скромным, от чего и возвести его удалось в рекордные сроки. К тому же, сельская администрация вошла в положение, и уступила землю неподалеку от адреса Павла, приняв в расчет то обстоятельство, что дед был инвалидом. Напряжение в родственных отношениях, резко пошло на убыль, а когда через год старик переехал в новый дом, сноха и вовсе стала учтивой, обходительной и даже по праздникам баловала его пирогами и соленьями.

Таким вот образом, на краю улицы Западной, у самого леса поселился одноногий дед Сеня. Вообще-то его звали Арсений Герасимович, но он сам предпочитал называться попроще, наверное понимал, что так будет удобней не только ему, но и окружающим.левой ноги у него не было еще с молодости, а вместо нее из штанины торчала алюминиевая труба с надетой снизу черной, широкой резинкой.

Характер у деда был спокойный, и строго или тем более грубо он выражался только в исключительных случаях, обычно же был размерен, рассудителен и очень любил разговаривать. В виду сложившихся обстоятельств часто говорить было не с кем, вместо этого он выходил на высокое крыльцо и подолгу стоял, осматривая улицу, провожал взглядом машины и прохожих.

Одним выходным днем в середине лета, дед, пообедав, снова встал на своем крыльце. Привычно вкрутил сигарету в самодельный мундштук и закурил. А мимо со стороны леса, шли троя ребят, лет по четырнадцать-пятнадцать не больше. Вдруг остановились и начали что-то обсуждать громким шепотом, затем один из них подошел к калитке и сказал:

– Здорово отец, сигаретой не угостишь?

Дед Сеня внимательно осмотрел парня и сдвинув брови ответил:

– Какой я тебе отец, скорее дед... А, сигарету бери, угощайся, если куришь такие... – и протянул пачку Примы.

Парень усмехнулся, но вошел в калитку и вытряхнув из пачки сигарету ответил:

– На безрыбье... как говорится! Какие есть такие и курим, короче.

Парень закурил и уже собрался уходить, как дед его окликнул:

– Ты, что ж один куришь, а друзья твои?

– А ты что, всех угостишь?

– Угощу! Вон в тень под дерево садитесь, все и покурим.

Ребятам, видимо, занять себя было нечем, да и день стоял жаркий – прошли и расселись под деревом. Ко всему прочему это был редкий, не сказать исключительный случай, когда их не просто не называют – недомерками, намекая на слишком юный возраст для курения, но и угощают.

– Ну ребята, чем нынче Лондон живет, торгуют или как? – спросил дед Сеня прищурившись

– Ты че дед, какой Лондон? – в недоумении шикнул самый старший.

– Тот, что английский... Когда я молодой был, шутили так – смешно было, а теперь видно, отстал?

Тут гости переглянулись и расхохотались. А тот, что подошел первым поинтересовался:

– А ты значит веселый такой дед?

– Я то? Веселый, а че грустить: вижу, говорю, хожу... слабовато, но хожу. Дом вон опять же есть, огород. А вы грустите что ли, или как?

Тут ребята заметили протез, переглянулись, но промолчали. Докурили, поднялись, и один из них сказал:

– Благодарю за отраву.

– Правильно! – ответил дед Сеня.

– Что правильно?

– А всё. И что, отраву, и что на костыль мой смотришь, – теперь, когда парни заинтересовались, дед продолжил, – ты не думай, что без ноги жизнь кончилась, я ее потерял, когда старшему сыну еще года не было, а потом еще двое народилось... Хотите грустить – грустите. Вот тока не про то ваша грусть.

Ребята слегка пристыженно потупили взгляды и отправились, а дед добавил им вслед:

– Вы забегайте, покурим.

Эти трое были известны в округе как нарушители спокойствия и дебоширы. И если где-то неподалеку случалось какое-нибудь происшествие, вроде драки или мелкой кражи, сначала приходили к ним, а уж если у этих было алиби искали в других местах. Но справедливости ради надо отметить, действительных проступков у них было не многим больше, чем у среднего подростка их возраста. Просто эти трое в один год попались пять раз подряд, на мелких правонарушениях и заработали себе славу закоренелых преступников, хотя фактически были просто балбесами, не желавшими хоть иногда размышлять о последствиях, а вместе с тем и о тактике действий. Сначала их поведение, по недомыслию пытались списать на неблагополучие семей, но, когда узнали кто их родители, ясно поняли, что всё немного сложнее.

Коля – самый старший из компании, был сыном завуча местной школы Зинаиды Павловны (какая школа может обойтись без учителя с такими именем и отчеством? Наверное, только та в которой есть Мария Ивановна), и врача стоматолога Сергея Федоровича. Вторым по возрасту, но не по значению был, Дима. Его родители по местным меркам являлись предпринимателями среднего звена, и признаков алкоголизма или недостаточного внимания к сыну не проявляли. Третьего звали Максим, у этого вообще мать работала, точнее занимала пост

в администрации. В общем эта троица позорила своих внешне добропорядочных родителей, как только могла.

Дед Сеня этим ребятам сразу понравился, может за вольный взгляд на окружающих или отношение к ним как к взрослым, а может за то, что Арсений здесь был человеком новым и не знал о их подвигах и репутации. Что бы ни было ответом, в гости к нему они стали заходить часто.

Деда эти гости порядочно веселили, давая возможность изучить нравы и интересы нынешней молодежи. Он даже установил небольшую скамейку под деревом, а калитку всегда держал открытой. Визитеры же меж тем, стали входить без спроса и считали эту скамейку их территорией свободы, здесь они могли курить, говорить о насущном без усмешек со стороны и даже иногда сквернословить. Дед при этом нравоучительством не страдал, максимум мог выдать дельный совет, но в большем развлекал, рассказывая байки к случаю.

В один вечерок, вышел он покурить, а эти уже сидят. Ну поздоровались и взялись дальше что-то обсуждать. А дед их и спрашивает, чуть прислушавшись к разговору:

– Вы про что там...?

– Да вон Макс, мопед купил в прошлом году, – сказал Коля.

– И чего?

– Да только ему денег не хватало, так он у одного недотепы занял, и все еще не отдал, а тот не спрашивает.

– А у родителя чего не спросил? – уточнил дед.

– Мать не дала всей суммы, сказала заработать надо, а я вышел из положения, – ехидно заявил Максим.

– Слыхали, долг платежом красен?

– Да ладно дед! Раз не спрашивает значит не надо.

Дед Сеня покашлял, закурил сигарету и сказал:

– Вы сказку про золотую овцу слышали?

– Нет. Расскажи! – посмеиваясь предложил Коля.

Дед уселся на табурет, стоящий на крыльце, вытянул вперед протез и начал.

Жил, значит, за горой один мужичек. Дела обычные у него: пшеницу жал да сеял, сено косил, да картошку выращивал. Запас сделает, а что останется – продаст. Хутор у него хороший, крепкий. Хозяйство на дворе, и семейство в доме. Все не хуже остальных. Да вот выдалось в один год несчастье за несчастьем. Сначала скот дохнуть стал, потом летом посева погорели, а к осени картошка уродилась мелкая, да в половину гнилая. Ну он с женой посоветовался, та ему и говорит, мол плохой глаз, не иначе все испортил. Ну тот коня в телегу запряг, в церковь поехал свечку поставить да службу заказать. А прежде на рынок заехал, веревки, кожи сыромятной купить, да сладостей детям. С торговкой местной знаком был давно, ну и рассказал ей про свое несчастье. А та ему советует. Ты, говорит, в церковь то не ходи, а лучше езжай к желтому камню. Вокруг него трижды обойди и проси, чего нужно. Мужик подумал, да и поехал. Дорога кривая ухабистая да поросла вся бурьяном, добрался только к вечеру. Обошел камень трижды, встал на месте откуда начал, глядит черт на камне появился. Посмотрел на мужичка и спрашивает, чего ему нужно. Мужичек как икать перестал, ответил, про свое хозяйство гиблое, да про скот, и картошку. Черт подумал и говорит: «Дам тебе овцу, сколько раз ей спину почешешь, столько монет золотых и упадет, только ты ее корми хорошо.» Протянул копыта вперед, а на них уж овца. Золотистая, красивая, вся переливами блестит. Черт ему наказ дает, ты говорит на то, что с овцы стрясеешь купи зерно, что взойдет то твое, а что в землю посадишь то мое и со всем остальным так же будет. Мужик обрадовался схватил овцу и в мешок. А черт ему в след говорит, что б он, как дела свои поправит, овцу обратно привез и, что сам за долгом не пойдет, и требовать его не станет. Ну мужик веселый, дамой прискакал жене овцу показывает. Деньги трясут, покупки делают. Мужик лошадей новых купил, статных породистых, а

старую клячу продал, быстро да за бесценок. Дом новый справили, двор широкий. Сами уже не работают, чай гоняют да беседы толкут. Поле непаханое, а закрома на деньги с овцы заполнены. Решили как-то, отправиться по гостям, овцу в сарай, добро под замок. Гуляли три дня, вернулись хмельные да сытые. Смотрят, а дом старый стоит, покосился только, глядь во двор все разбито да поломано, в закромах сплошь гнилье да падаль. В сарай заглянули, а там овца сдохла, и в место золотой, шкура черная. На себя глянули вместо парчи да шелка, рубище да рвань. Ну супруга завопила, а мужик овцу схватил и бегом назад к камню. Как прежде оббежал его трижды, снова черт выскочил. Спрашивает мужика, говорил тебе чтоб кормил не забывал. Мужик взмолился, мол дай другую, уж за ней то он станет смотреть пристальней, но черт отказал, а только покопался копытом в потрохах у овцы и монеты, вырученные за продажу старой лошади, к ногам бросил, и сказал: «Что взойдет то твое, а что в землю посадишь мое будет!»

Ребята перемялись на местах, а Максим спросил:

– Ты это к чему, дед?

– Да к тому, что, если занял и не отдал, выходит, что мопед этот не твой.

– А чей?

– На одну часть материн, а на другую этого, у кого занял... В общем, тех кто деньги за него платил, и не гляди что твоими руками. Мать твоя права – работать надо.

Ребята переглянулись и решили, что визит закончен, а Дима уже у калитки сказал:

– Слушай дед, я что подумал, торговка-то знала, а сама не шла к камню.

– Правильно, если можешь не занимать – лучше не занимай, а коль уж не можешь такая торговка сама тебя найдет.

– Так что, это вроде рекламы?

Тут дед расхохотался и закашлялся, а Дима побежал догонять остальных.

Дело покатилося к закату. В эту ночь вышла полная луна. Дед Сеня в такие ночи не мог спать, бродил, скрепя своим протезом и часто ходил курить. Кто-то для того, чтобы уснуть кого-нибудь считает в уме, кто-то занимает голову, чем-то еще более скучным, а дед Сеня брал большое березовое палено и здоровенный нож, садился у печки и колот щепу, для растопки. За таким делом к нему всегда приходили правильные мысли и становилось спокойнее.

Этих троих завсегдатаев было невидно уже дней пять, вместо них заходил странноватый сосед, который расспрашивал о жите бытье и не дождавшись обстоятельного ответа, нервно подскочил и убежал. Как видно, ему было важнее сказать, чем услышать, думал дед Сеня. Следующими пришли семейная парочка бывших городских, приехавших проводить здесь пенсию. Сказали давно хотели познакомиться, но как только дед увидел принесенный пирог вместо бутылки, счел знакомство неполноценным. А позже, поразмыслив объяснил это себе так, что это видно у интеллигентов так положено. Он вообще с подозрением относился к по настоящему интеллигентным людям и к евреям, но если первые хоть иногда ему попадались, то вторых не видел никогда, но много слышал о них от знакомых. Они стереотипировались в его голове в виде быстро передвигавшихся и все без разбору присваивающих существ, с кудряшками на висках и в круглых шапках и исключительно мужского пола, ведь о еврейках ему не рассказывали вовсе. По здравому размышлению, у них было всё как у всех, но сосед с предыдущего места жительства, за стаканом вечно трещал о них именно так, и избавиться от этого образа не было никакой возможности. Так же заходила и сноха, принесла здоровенный пирог с брусникой, дед думал: «...чего они все, пироги прут, или больше нечего?» Не успел подумать, только проводил сноху, пришел Витя – электрик, который как-то чинил перегоревшую стиральную машину, еще в бытность его жительства у сына. Этот порадовал существенней остальных, мало-того, что он любил говорить не меньше, чем умел слушать, да еще и бутылку крепленой настойки принес. Витя не то с похмелья был, не то в запое, нарезался с двухсот грамм до пьяна, назвал деда Сеню, Джоном Сильвером и заковылял кривой, размашистой походкой в сторону дома. А к концу того же дня прибежала какая-то, сумасшедшая собака. Она прока-

пала яму под изгородью, пролезла в огород и взялась облаивать прохожих уже из-за забора, дед было подумал ее оставить, но, когда она облаяла и его, насилиу выгнал и завалив подкоп камнем, облегченно выдохнул. В общем неделька выдалась, сплошь заметки из юмористического журнала.

К концу недели, опять пришли ребята и ясное дело, уже сидели на скамейке, когда дед Сеня вышел на очередной перекур:

– Здоров мужички, че подельвали?

– Да ничего особенного. На озера ездили, – выпалил Максим.

– Корень собирали или за ягодой? – уточнил дед Сеня.

– Нет, просто на отдых. Гости к Димону приезжали, вот мы с ними и ездили, – ответил Коля.

– Ну это не дело, просто так по озерам шататься... Хоть с ведро брусники-то собрать стоило. – сказал дед, в большем самом себе. И не мудрено, ведь весь его жизненный опыт, отторгал праздность.

Тут Коля встал, отошел к забору, и состроив ехидную гримасу объявил, обреченно покачивая головой:

– Макс влюбился...

– Заткнись! Ни куда я не влюбился! – завопил и вскочив с места Максим.

Подростковое подражание цинизму и жизненной усталости взрослых, не вмещало в себя образ влюбленности, будучи синонимом мягкосердечности и слабости.

Дед осмотрел Колю хитрым взором и сказал:

– А ты что же, не влюбляешься?

Колина издевательская гримаса, плавно приобрела задумчивость, Максим же приметив что обвинителя уели, расслабился. А дед, чуть выждав вдруг спрашивает деловито, но теперь у Максима:

– А ты как влюбляешься? по-домашнему или...

– А-м-мм... – протяжно выдал Максим, и уточнил, – это как по-домашнему?

– Как-как! Дома сидишь и «ногти грызешь» или под дверью у подруги отираешься с цветами, или как у вас там положено?

– ... грызет, – издевательски и с улыбочкой, заявил Коля.

Максим начал орать, и забегал возле скамейки. Дважды пытался напасть на Колю, но был остановлен Димой, тоже дважды. Успокоились так же быстро, как и завелись.

Дед Сеня Уселся на табурет и постучал по крыльцу костылем:

– Сам то я, один раз только влюбился... – ребята захохотали переглядываясь. Да, смотря на деда сейчас было трудно представить, его молодым, а еще сложнее влюбленным, – молодой был, веселый, по бабам-то, я первым специалистом на деревне был.

– Тогда, другие девушки, были! – заявил Коля.

– Какие «другие»? Такие же точно, только для глупостей всяких времени не было. А так че? цветы, конфетки, стишки да разговор про их интерес, в ваши то года в самый раз.

– Слушай дед, а теперешние девки нет-нет, да и скажут, мужики мол перевелись и все такое... – сказал Дима. Дед покачал головой и хитро ухмыльнулся.

– Это они за мамашами своими повторяют. А так, когда не по их указке че-то делаешь, или такое вот услышишь, или еще что покрепче – всегда так было! У баб таких финтов хоть на базаре торгуй, привыкайте.

– И что делать?

– Учись вести себя правильно, да и она за тобой учиться будет, но только с таким видом как будто уже это все знает, – тут, дед выдержал паузу и спрашивает, – Сказку про русалку слышали?

Пацаны переглянулись, и внимательно уставились на деда, давая молчаливое согласие послушать. Дед Сеня привычно-ловким движением завернул сигарету в мундштук, закурил и начал.

Стояла в старые времена в верховье речки деревенька. Народец жил небедный, работающий, и вот одна была беда у мужиков местных, бабы сплошь страшные да злющие, а в деревнях за горой красавицы сплошь, но сватов в те деревни не послать, девки как узнавали откуда, бежали да прятались. Кто постарше по привычке, а молодых под венец как на каторгу ведут. Бабы эти хоть и видом не вышли, но всю работу с мужиками вровень делают, а иные и лучше. Как совет сельский идет, бабы мужикам слово вернуть не дают. Словом, мужики не мужики, бабы не бабы. А тогда еще по родительскому указу венчались. Рос в семействе управа местного паренек, статный, красивый и умом бог не обидел и силой. Вышла ему доля жениться, давно уж решили родители что жить ему с дочкой местной торговки мехом. У этих дом сытый, с серебра едят, да работников тьму имеют, а девка у них не страшней других, за то приданое побогаче будет. А паренек то с норовом оказался и попер против родительского слова, да и сбежал в канун венчания. Торговка как узнала все договоры расторгла и обещания назад взяла. Паренек как вернулся, так родители его из дому и выставили, мол иди куда хочешь, а нам ты не сын больше. Парень подумал, хлеба да соли в котомку собрал, да и пошел вниз по речке. Шел три дня и две ночи, а на третью притомился, остановился у плеса, где река широкая да спокойная. Хлеба кусок последний да соли щепотка. Уселся на бережке, только краюху умять вздумал, глядь на камень из воды девушка выбралась. Смотрит на него, не боится. Волосы до пояса, глаза голубые да глубокие, на лицо красавица писанная. Парень глядит на нее наглядеться не может, подумал, да и спрашивает, мол чего тебе на камне сидеть, да в воде плавать, пойдём со мной, жить станем вместе, вместе работать да детей растить. А она ему, я по земле ходить не могу, да и дядька налим не пустит. Парень в ответ, по земле ходить научу, а коли только за этим дело встало зови своего дядьку, разговаривать будем. Девушке паренек приглянулся, позвала она налима. Налим морду из воды высунул, а парень ему говорит, пусти племянницу со мной, в жены ее возьму. А налиму, если реку трижды переплывешь, да меня обгонишь отдам за тебя племянницу. Ну парень поморщился, да и полез в воду, плывет отстаёт, а налиму впереди хочется. Тут парень чует толкает его кто-то, девушка за ноги обхватила и вперед налима к берегу его и вынесла. Парень рубаху скинул, на девушку надел, да на руки ее поднял. Идут берегом, парень говорит про жите земное, а девушка хлеб ест, да слушает. Пришли к хутору, дом косою да забор дырявый, встречает их старуха. Парень у нее на постой просится, а та отвечает, мол ты оставайся, а девушке сюда нельзя. Мол как ночь придет, так и черти в щели в заборе ползут, мужиков да стариков не трогают, а девок молодых со свету сживают. Парень девушку в дом занес, а сам взялся забор править, да дыры затыкать. Черти к ночи пришли, а пройти не могут, тогда взялись они кричать да по забору копытами скрести, мол, как девушка выйдет так мы ее здесь и ухватим. Остались жить у старухи, девушка ходить учится, да как хозяйство вести и щи варить, за калитку носа не кажет, все в дому, да во дворе. А парень на охоту да рыбалку ходит, да возвращается засветло что бы черта ненароком впотьмах в калитку не впустить. Старуха как поняла, что девушка и готовке, и шитью обучена, вынула из сундука плетёный ремешок, да сказала парню подпоясаться, а девушке наказ дала, мол как за ворота выйдешь так держись за него не отпускай, так черт не тронет, да еще прибавила, как место нужное найдут, рука от ремешка сама и отстанет. Отправила их со двора, мол негоже молодым в старом дому жить, пора бы и свой построить. Парень вперед идет, а девушка следом за ремешок держится. День шли, ночь в поле спали, девушка все ремешок не выпускает. Как-то проснулись, глядь рука от ремешка сама отстала. Встали осмотрелись, поляна широкая, а в низине деревенька, здесь дом и поставили. Сразу уговорились, ей в дому хозяйствовать привычно, а ему в лесу на речке да на улице. Жить стали правильно, детей родили да подняли, вот только как девушка со двора выходила, по привычке за парня цепляется, но не за ремешок, а под руку.

– Дед, слушай у нас в классе училась такая, из той первой деревни. – сказал Коля и рассмеялся.

– Не про то говоришь. Все плохое само в руки идет, еще и с доплатой, а хорошее ногами искать надо, а потом еще и беречь. А бабы, че бабы, из другого мира они, по земле ходят, а привычки старые. – сказал задумчиво дед, и взглянув на Колю добавил, – слышь Никола, а не хочешь, всегда из первой деревни, земную бабу можно взять, сама работать будет, а когда-когда и приобнимет, а!

Коля чуть улыбнулся, а остальные взялись истошно гоготать, да так и пошли. Следом за ними пришел Петр и с порога взялся песочить отца:

– Слушай, мне жена сказала, ребята к тебе приходят, галдят, соседям мешают...

– Супруга твоя, меня сюда пристроила, если помнишь и она же теперь не довольна, ну вы даете! А пацаны ходят, сидят и чего?

– Да я тут поспрашивал, ребятки эти не очень смирные, а то мало ли чего, гнал бы ты их.

– Сына! ты молодой сам-то тоже не шибка смирный был. Эти такие же, тем более пока они у меня сидят, где-то сарай не горит, и щеголь какой с целым лицом разгуливает. Чего еще?

– Ничего. А да, завтра в баню, помнишь?

Дед покачал головой и проводив Петра, пошел в дом. Ночью снилась супруга. Как будто снятая на старую пленку, так показывают затертую кинохронику, со всплесками черных полос и точек. Молодая еще и дети маленькие, дом прежний, серый кот – ворюга и хитрец, да кобылка гневной масти. Спал беспокойно, а по утру дал себе обещание, к жене на могилку съездить, проповедать.

К обеду ностальгической настрой безжалостно растоптали насущные дела, привезли дрова. У калитки остановился Газ-52, забитый под завязку. Водитель уточнил адрес, взялись разгружать. Швыряли долго, с матом, какая же разгрузка без него, как закончили, выяснили, что сломали звено забора. Наспех поправили и получив расчет уехали. Дед Сеня ругаться не стал, вместо этого достал старые инструменты, и взялся за ремонт. А тут как на грех, мимо проходил Серега – местный бездельник. На этот момент ему было, уже лет около двадцати пяти, он не работал, сидел у родителей на шее, а в свободное, то есть основное время болтался по улице и искал себе развлечение. Завидев деда Сеню, не удержался и предложил свою помощь. Дед, еще не понимая с кем связался помощь принял, а Серега осмотрелся и спросил:

– Так дед, что делаем?

– Дрова от забора откидай, а то не подступиться.

– Так, так, так, – затрещал деловито Серега, отбрасывая дрова прямо на тропинку, ведущую к туалету. Дед посмотрел на это, но промолчал, решил не прерывать полет энтузиазма, не своевременным замечанием. Сережа, закончив бросать снова спрашивает, – Дальше?

– Вон молоток бери, да отрывай сломанный штакетник, а лучше просто сбей.

Сережа кивнул и взялся выполнять. Замахнулся, ударил да как-то неточно, замахнулся вновь, ударил, в сторону отлетела абсолютно целая штакетина. Тогда дед вмешался:

– Братец, братец, погоди мы весь забор ломать не будем. Видишь две вот эти, их и сбивай, – дед указал костью на нужные, и отошел в сторону.

– Да понятно, я промазал! Сейчас прибьем!

Сережа замахнулся и ударил, на этот раз попал, но при ударе в нужный штакетник снес небольшой кусок кожи с мизинца, об поперечный брусок заборного звена. Завопил и запрыгал на месте, дед покачал головой и протянул ему носовой платок. Сережа замотал палец и помчал вдоль по улице. Дед осмотрелся и покашливая оценил ущерб. Определенно стало хуже, чем было. Дрова лежали на тропе ведущей в уборную, в заборе не хватало на одну штакетину больше, к тому же молоток, и калитка были обляпаны кровью. Дед Сеня решил, что такое дело требует перекура, и присел на скамейку. Только призадумался, а в калитку зашел Андрей, сосед через два дома. Поздоровался и спрашивает:

– А Серега, сейчас не от тебя выскочил?

Дед кивнул, и указал дымящей сигаретой на плоды Серезиных трудов:

– Помог так помог.

Андрей понимающе кивнул, и взялся за дело параллельно рассуждая:

– Серега помощник известный, от безделья лезет везде. Опыта нет, от того и беды его. Вон бабы говорят, он и помереть не сможет, потому что не умеет, – Весь ремонт занял, пятнадцать минут. Андрей уложил инструменты в ящик и присев рядом сказал, – Дед Сеня, где ты только таких помощников берешь?

– Ну ты спросишь тоже, объявления в газету даю что ли? Да, сам я видать такой, вот и тянутся, и ты вот опять же пришел.

Андрей посмеялся, похлопал деда по плечу, попрощался и ушел.

Следующая неделя прошла в относительном спокойствии. В конце августа, в воздухе все чаще витал запах свежего сена, птицы стали прилетать в сад, в соседнем дворе, поживиться спелой ягодой. Вечера становились холодней, а ветер порывистей. Закатное небо по горизонту белело шире, а ночи стали темные, как осенью.

Как-то ближе к вечеру дед вышел за дровами, решил протопить печку после лета. А троица тут как тут, сидят курят только не привычно тихо, не галдят не хохочут. Дед посмотрел на них, привычно прокашлялся и спрашивает:

– Вы чего смурные?

Пацаны молчат, и глаза отводят. Дед набрал дров, растопил печку и снова вышел на улицу. Дима посмотрел на него и спросил сухо и даже как-то строго:

– Дед, ты что про смерть знаешь?

– Это смотря, что спросишь? Мне то самому помирать не приходилось, так что только слухи. А к чему спрашиваешь?

Тут встал и подошел Коля, и в пол голоса произнес:

– У него бабушка умерла.

– Да, такое всегда не легко. Но дело то не в самой смерти.

Здесь ребята оживились, и уставились в сторону деда, а Дима уточнил:

– Тогда в чем?

– В том, чего за человеком останется. Вот за бабушкой твоей, мать осталась, за матерью ты, за тобой новые дети, в свое время. На том и стоим. А кому воевать выпадет? для таких, кто жив остался, сами как дети, считай.

– Да не как не понять! вчера только ходила, а сегодня уже в земле.

– Чтоб про такое думать, поминки есть. Ты главное свое дело выбери, да и делай его с умом, а про смерть живым думать негоже. Иначе, когда жить? – Парни немного расслабились, перемялись на местах, заговорили негромко. Дед посмотрел на них и слегка призадумавшись предложил. – Ну слушайте, так уж и быть.

– Сказку? – с вновь оживившимся ехидством, уточнил Коля.

– Сказку, сказку. Про мужика и смерть.

Между двух горок не высоких, стояла одна деревня. Росла, строилась. В семьях детишек много, да живности. Народ все больше работающий, в поле с песней веселой, да обратно с задумчивой. Да стоял на окраине за болотцем дом игральный. А туда шваль всякая похаживала, да тоже горланили. Туда с песней лихой, разбойной, а назад с хмельной да усталой, а кто проигрывает все до нитки, да если хозяин выставит, бывало в том болотце и утопится. Раз в десять лет, две смерти приезжали. Каждая со своей горки съедет и осматривается. Одна старушка в белом саване, а другая злющая бабка в накидке черной, шелковой. Черная по домам худым, бежит осматривает, кому из бесполезных срок вышел. Хватает да сует в телегу, а как очередь приходит в дом игровой идет, хозяин ее поит кормит, деньги сует, а она его за это не трогает, и дом его не проверяет, а только тех берет кто в болоте утопился. А к белой народ сам выходит, она

смотрит на них, а кому время подошло, к себе в телегу приглашает, те с родней прощаются, да и едут в верх по горочке и мимо макушки к облачкам. Черная же, как набьет телегу народом, да чертям наказ дает, чтоб держали, что бы те не спрыгнули. Тоже в гору везет, а на самом верху вниз проваливается. Жил там мужичек забулдыга да картежник, пока деньги водились, хозяин дома игрального его держал, а как проигрался в дым, выставил. Стоит в болото смотрит, топиться собирается. Только надумал, сзади кто-то руку на плечо кладет, повернулся стоит солдат, с войны домой шел, да и увидал мужичка у болота. Говорит ему солдат, ты мол ни как топиться надумал, так лучше б шел в деревню да работал, все лучше будет чем помереть. Мужик послушал и про смерть вспомнил, да вот только надумал он ее обмануть. Вроде в толпу к работягам затреть, сам трудиться не стану, а как смерть приедет, глядишь и на небо возьмут, а коли срок не вышел так на земле останусь. А солдат местных укладов не зная, зашел в дом игральный с виду то трактир или пивная. Хозяин новому гостю рад пиво ставит, а солдат серебром фронтовым расплачивается. Оглядели его местные завсегдатаи, не наш вроде, в картишки игру предложили, тот отказывается. Поговорили меж собой подумали, да и опоили его дурным зельем. Солдат как силу потерял, хозяин серебро из карманов выгреб, китель, фуражку с него снял, надел на него рубашонку поганую, шею сажей измазал, да и задумал смерти его отдать, как та явится. Солдат дурной за столом сидит, с виду от остальных не отличается. А мужик-то, наоборот, морду и руки вымыл, в деревню к работягам побрел. Как пришел стал управу в ноги кланяться, да говорить мол иду от тракта, что разбойники мол его ограбили, что в сиротах он с малых лет, просит, чтобы взяли его в работники. Назначили ему жить у старухи, будет вроде помощника. Ну мужик в бане вымылся, рубашку местную надел, и от людей простых то же не отличается. Да вот стал он больным прикидываться, как все в поле так с жаром валяется, как дрова колоть так спина болит, а как праздник какой выздоравливает, пляшет так, как другой постесняется. Помогает народ друг другу и мужику недоимки прощает, вроде пусть живет, мол когда-нибудь образумится. Время подошло, десять лет минуло, едут с горок две смерти, к белой народ вышел, и мужичек затерся в толпу, ухмыляется. Белая, всех кому время пришло выбрала, и мужик с ними к телеге пошел. Вдруг она его окликнула, подошла и на ухо ему говорит, мол сильно он ей понравился, видно добрых дел за ним много, мол может в карты сыграем, или вина выпьем перед дорогой. Мужик от похвалы раскис расслабился, да и достал из-за пазухи карты потертые, а из сапога бутылку вина. Тут она его за шкурку и к болоту повела. А черная в это время уж собрала кого надо, и хозяина игрального дома слушает. Он солдатика ей привел, мол забирай его, все равно дурной. Черная на него глянула, пошептала что-то и по морде съездила, только тот в себя приходит, она спрашивает. Мол ты кто такой будешь, тот отвечает, что солдат, как отставку получил так домой иду. Черная его снова спрашивает, был ли в боях или нет, есть ли награды, солдат молчит. Тогда хозяин дома китель его несет. Надел его солдат, а над карманом три медали, за отвагу, за волю, за мужество. Черная подумала, да и говорит, мол срок твоей жизни вышел, вот только не мне тебя забирать, и за шкурку его и на улицу. Черная к телеге подошла и Белая с другой стороны, обменялись. В черной телеге поехал, паренек чистый с виду, да сытый, а в белой солдат, в потертом да грязном кителе, с медалями.

– Выходит там не ошибаются? – задумчиво произнес Максим.

Коля с Димой взглянули на него удивленно и с опаской, как бы говоря, «чего мы о тебе не знаем?» А дед Сеня, сказал:

– Это сказка ребята, сами думайте.

Пацаны побыли немного, выкурили по сигарете и пошли, но минут через пять вернулся Дима и озираясь по сторонам постучал в дверь, как только дед открыл, сразу его спросил:

– Так ты думаешь, там не ошибаются?

– Дима, если и есть такое учреждение, там точно не ошибаются. А вообще думай о бабушке своей всегда хорошо, для этого ни во что верить необязательно.

– Спасибо дед, если что меня здесь не было.

– И тебя спаси бог...

Ранним утром, когда еще не выпала роса, а птицы только начинают перекрикиваться в ветках, дед Сеня умер. Его нашли сидящим на крыльце на привычном месте, с крепко зажатым между пальцев мундштуком и с вполовину истлевшей и погасшей в нем сигаретой. Похожи на него на новом кладбище, ему вообще последнее время везло на все новое. На поминках говорили много красивых слов, а сын Петр отметил, что его отец был настолько не желавшим обременять окружающих человеком, что даже решил умереть летом, чтобы никого не заставлять долбить ледяную землю. Ребята на поминки не пошли, просто не решились. Вместо этого как-то съездили на могилку. В дополнение к уже лежащим цветам и конфетам, преподнесли пачку сигарет привычной деду марки. И стоя у насыпи, каждый из них точно знал в какой телеге отправился их советчик по «неразрешимым» делам, и по совместительству – сказочник, Арсений Герасимович, или просто дед Сеня.

Левый и правый или одинаковые наоборот

За рекой, на краю деревни, стоял большой бревенчатый дом старой застройки, с острой крышей и высоким крытым крыльцом. Владела им семья Кремневых. Как и многие в большом жили натуральным хозяйством, а Григорий – отец семейства еще и охотой промышлял. Кроме самого Григория семью наполняли, его жена Наталья, старшая дочь Татьяна, шестнадцати лет и пятилетний сын Сашка.

Хозяйство, по местным меркам имели приличное: коровы, овцы, куры и до холодов пара десятков гусей. Так же на правах менее значимых участников хозяйственного устройства, имелись две кошки, Муська и Белка, да собака по кличке Трезор. Трезором ее назвал Григорий вопреки или точнее сказать не смотря, в прямом смысле этого слова, на то, что она была женского рода. Дело в общем-то было в том, что Григорий пил редко, но подолгу. От этого впадал в сентиментальные, но решительные настроения. И по окончании своего хмельного загула, нередко возвращался домой с животинкой. Именно таким способом семья заводила кошек и собак. Как правило, притащив очередного питомца вручал его супруге, называл кличку и ложился спать, а когда просыпался наглухо забывал о ней, тем самым давая, жене и детям, возможность этих самых питомцев переименовывать на свой вкус. А в случае с Трезором почему-то запомнил. Жена не раз пыталась вразумить Григория, взывая к здравому смыслу:

– Гриша, ну подумай сам – она же девочка!

Григорий же был неуклонно категоричен и отвечал каждый раз одинаково:

– Сказал Трезор, значит будет Трезор! Хоть девочка, хоть мальчик!

Такое упорство было понятно, ведь Григорий теперь нуждался в возвращении авторитета, порядком растроченный за неделю пьянства, а другого способа кроме как настоять на своем, он не видел. Впрочем, на счет кошки по кличке Белка, споров особенных не было. Но иногда Наталья, стараясь привлечь внимание мужа, решившего нырнуть в новый запой, подкрепляла свою вразумляющую речь такими словами:

– Хватит дурить, вон уж кошку «Белкой» назвал! А дальше что? Щенка притащишь и «Чертом» назовешь?!

Григорий только отмахивался, ведь по трезвому делу всякая не приносящая пользы живность являла собой вечно голодных скотов или попросту – дармоедов. Под пользой подразумевалось – мясо, молоко, шкура, шерсть и тому подобное. Так Григорий и жил, запертый в амплитуде между пьяных сантиментов, и кристаллизованной целесообразностью – вот такой резко-контрастный это был человек.

По первому снегу, Григорий с сотоварищами, отправился на охоту. Планировалось добыть козла, или марала, но это если повезет. И вот в это холодное и промозглое время, одним ноябрьским выходным, сука по кличке Трезор, принесла пятерых щенков.

Наталья только разводила руками приговаривая:

– Ну что же ты? хоть бы до весны потерпела...

Новость о собачьем пополнении, по-настоящему порадовала только Сашку. Он ежедневно крутился около будки стараясь дотянуться до щенков, но грозная мамаша рычала и не подпускала к потомству ни его ни остальных, позволяя любоваться ими на расстоянии. Щенки между прочем росли очень быстро и чуть окрепнув стали выбираться во двор. И как всякие дети не обращая внимания на беспокойные призывы матери, резво изучали окружающую обстановку. Сашку, на правах существа более остальных жаждущего общения с ними, признали первым. Теперь он в любое время, свободное от выполнения домашних дел или принудительного чтения, бежал играть со щенками. А вечером взахлеб рассказывал всем домашним как они себя ведут и как выглядят. Тем самым очень веселил сестру и мать. Он это делал так весело и бойко, что Татьяна иногда просила повторить рассказ ещё, дабы заразиться, его детским, искрящим жизнелюбием. И Сашка с удовольствием откликался на это, говоря:

– Первый серый, он самый маленький, его зовут – Усатый.

– Почему усатый?

– У него усы большие и белые, волосы, ну на усах, толстые такие и торчат.

А Татьяна продолжала спрашивать, подначивая брата и шуря при этом глаза:

– А еще кто?

– Еще есть двое, рыжие, я их еще не назвал. Ну как, животы и лапы белые, спина рыжая и голова немного. А у одного хвост тоже, рыжий. Но я думаю они девочки, – поразмыслив, как-то раз произнес Сашка. Мать с Татьяной удивленно переглянулись и сестра поинтересовалась:

– Почему ты так решил?

На что Сашка отвечал:

– Ну они же ушки так складывают и...– здесь он принимался ходить кругами, прижав локти к бокам, и чуть присев наклонялся, стараясь поточней показать их повадку.

– А мальчики как ходят? – не унималась Татьяна.

На это Сашка выпрямлял спину, и сложив руки в крючки, прижимал их к груди и поднимая голову вверх громко и однократно гавкал. От этого выступления женский пол начинал смеяться и одобрительно кивая хлопая в ладоши, приветствуя мастерство исполнения. А, Сашка меж тем продолжал, подстегнутый овацией:

– Еще не все. Есть двое одинаковых. Они мохнатые, на боку кружок черный, как нарисованный. Сами серенькие с белым, а через глаз полоска черная, как у пиратов и одно ухо белое, а другое черное. Но только они одинаковые наоборот.

– Что значит, одинаковые наоборот? – услышав это впервые, спросила Наталья

Тогда Сашка схватил первую попавшуюся под руку кошку, и поднеся ее к зеркалу, заявил:

– Вот как сейчас, Белка одинаковая наоборот.

Таким образом выяснили что расцветка, двух щенков и вправду была практически, полностью зеркальной, за исключение некоторых малозаметных мелочей.

Единственным кого эти спектакли, не только не радовали, но и раздражали, был Григорий. А в этот раз, он и вовсе начал орать, разъярившись сильнее обычного. И к финалу истерики, даже выписал Сашке подзатыльник. За эту выходку был моментально, облаян супругой.

Сашка плакал, а Наталья успокаивала его и приговаривала:

– Саша сынок, собачек все равно придется раздать.

– Почему? – тянул он плаксиво.

– Ну как же, просто это не честно, у нас их много, а у остальных не одной.

На такие рассуждения Сашка, реагировал спокойно, хотя, услышав это впервые пытался протестовать, но смирился в общем-то быстро. И как-то раз даже поинтересовался:

– А далеко?

- Что, далеко?
- Далек, собак отдадим?
- Нет, здесь рядом, по соседям.

Тогда Сашка более охотно мирился с грядущей утратой, заблаговременно радуясь перспективе посещения собак в будущем.

Так же Сашку водили к бабушке. Екатерина Степановна – мать Натальи, была бывшей школьной учительницей, хотя ее рвение образовать Сашку говорило, что бывших учителей не бывает. Несмотря на то, что в свою школьную бытность она вела биологию, Сашке закладывала азы всех доступных предметов, но в основном учила читать и писать. Эти походы, Сашке не нравились, ведь гранит науки тяжело поддавался на укусы его молочных зубов. У Екатерины Степановны на этот счет имелось иное мнение. Она считала его одаренным, ведь Сашка, в свои пять с небольшим лет, уже сносно писал, читал по слогам и в общих чертах, знал атлас мира. И еще, Екатерина ни как, не могла допустить, чтобы внук заслуженной учительницы, отправившись в школу, вдруг начал отставать, по каким бы то ни было предметам. Ко всему прочему, Екатерина Степановна в разговорах с Натальей, иногда размышлявшую нужны ли ребенку такие нагрузки, напоминала о моральном и интеллектуальном облике ее мужа Григория, намекая на генетику. Наталья, конечно, пыталась вразумить ее, говоря, что все не так плохо, но каждая такого рода дискуссия заканчивалась одинаково. Екатерина каждый раз говорила только одно, что Наталья наивна, а единственно верный способ борьбы с дурной наследственностью – это учеба. Григорий меж тем, радости от общения с тещей так же не испытывал. В ее присутствие предпочитал, в большем молчать, а за глаза называл ее старым ученым попугаем, имея в виду то, что она действует по заученному плану, и не допускает каких-нибудь новых слов, особенно относительно его персоны. Так же отдельным пунктом, раздражавшем Григория, стояло ежегодное новогоднее фотографирование, преследующее историческую цель. На этих фотографиях, в насильно надетой на нем рубашке, Григорий выглядел в высшей степени неорганично, на фоне простой, но приличной семьи и сияющей поддельной улыбкой, тещи.

В середине января, семейство готовилось отмечать сорок первый день рождения Григория. Наталья с Татьяной носились как заведенные с самого утра. Беспрестанно что-то нарезали, варили, жарили парили и прочее. Сашку, на время празднования отвели к бабушке, ведь сама она не любила участвовать в подобных застольях, да и с некоторых пор, ее перестали на них приглашать. Наталья, по этому поводу уже не требовала объяснений, но Григорий, чуя за этим смирением укор, считал нужным сказать:

– Мой праздник – мои гости, будет твой, зови кого хочешь. Хоть подруг, хоть мать, хоть зверье таежное!

К Григорию на праздник пришли соседи, и сотоварищи по охотничьим делам с женами. Отмечали стандартно, после поздравлений с пожеланиями того, чего в полной мере сбыться не может, выпили и незаметно разделились на два лагеря. Женщины пили вино, резво болтали о хозяйстве, детях, и о чем-то шептались, обсуждая прочие женские дела. Мужики пили чего покрепче, говорили об охоте и рыбалке, быстро надоело, попытались переключиться на разговор о женщинах, но его подавили тяжелые взгляды супружниц, поэтому сразу перешли к политике. Политически грамотных за столом не нашлось, а если они и были, то помалкивали. В общем недаленовидные рассуждения и слабое знание материала, неизбежно вели компанию в политический тупик, прямо как на некоторых заседаниях государственной думы. По мере повышения уровня алкоголя в крови, рос и градус напряженности. Ну, а тут или драка, или песня. Затянули старую казачью, под названием «Не для меня», пели ее четыре раза, пока не надоели женам, ну и сами не подустали. Не в пример той же самой государственной Думе, не имеющей песенной альтернативы. В общем пили, говорили и ходили курить на крыльцо.

В конце праздника, провожая гостей до калитки, Григорий вручил по одному щенку трем из шести пришедших семейств. Кузминым достался Усатый, а Семеновым и Гулько по рыжей сучке, до сих пор не удостоенных имен. Клавдия Семенова пыталась отказаться от дара, говоря:

– Спасибо, конечно, но нам собака не нужна.

Но разговор тут же прервал, ее благоверный, вклинившись с заявлением:

– Гришка, не слушай ее! Когда собака в доме лишняя была?

В общем забрал и долго, благодарно тряс, пожимая руку. Последним выходил Петров. Он взглянул на двух оставшихся щенков, нервно отирававшихся вокруг обеспокоенной матери, и поддавшись общему настроению спросил:

– А этих, с пятнами, что не раздаешь?

Ответ Григория был моментальным:

– Нет! Это левый и правый, вишь одинаковые, сам бы не заметил – спасибо Сашке.

Петров понимающе кивнул и в благодарность за торжество, пожал Григорию руку и поздравив еще раз, отправился за остальными гостями.

Часам к десяти утра, бабушка привела Сашку. Тот первым же делом обследовал будку и недосчитавшись собачьего поголовья разволновался. Вбежал в дом и без предисловий спросил готовящую обед, мать:

– Мам, где щенки?

Наталья спокойно и твердо ответила:

– Мы их вчера отдали.

– Кому, кому отдали?!

Здесь Наталье стало ясно, что Сашка не отстанет, и вынужденно назвала все фамилии и адреса. Но адреса, как раз называть было необязательно, он прекрасно знал этих людей и места их жительства. И на этом успокоился. Но иногда вместе с соседкой Машей, с которой дружил с недавних пор, иногда проводывал, наблюдая за ними сквозь дыры в дощатом заборе. Как они теперь, каждый в своем дворе привыкают к новому дому. Двух оставшихся щенков, Сашка назвал Рэм и Ром, сказала недавнее прочтение бабушкой, мифов древнего мира.

Дальше дела пошли нескучные. Закончилась зима. К концу апреля растаял последний снег. Река оттаяла поздно, так что окраину в низине затопило. В те дни беготни было полно. По Заречной носились грузовики перевозящие уцелевшие вещи пострадавших. И время от времени курсировал милицейский бобик с мародерами, взятых на попытки пожить имущественно затопленцев. В общем улица оживилась, ведь в своем обыкновенном существовании, если по ней проезжало три десятка машин в день, движение считалось интенсивным.

Весна пролетела быстро. Холодный, пронизывающий ветер сменился жгучим зноем резко-континентального лета. Пошли купания в вечно холодной реке. Сашке исполнилось шесть лет и теперь он мог купаться самостоятельно. Верней ему так казалась, ведь Наталья уже договорилась с соседскими ребятами постарше чтобы те присматривали за ним и прочей малышкой. Хотя, это все понимали и так.

Само собой, лето закончилось гораздо быстрее любого другого сезона. Пришла новая осень, а для Сашки она стала новой в двойне – он пошел в школу. Учеба нравилась, от того, что давалась легко – спасибо бабушке. Его радовало буквально все – новые друзья, игры, школьные запахи, обеды в столовой. Но особую радость доставляла дорога в школу и обратно. Это потому, что он мог ее преодолевать самостоятельно, без сопровождения взрослых. И если нет участия родителей, всегда можно было куда-нибудь залезть, и обязательно туда, куда запрещено, более действенного способа изучения окружающего мира ни Сашка, ни его одноклассники придумать не могли, да и не старались. Впрочем, и во взрослой жизни – это самый действенный способ, изучить что бы то ни было хоть сколько-нибудь подробно.

Рэм и Ром подросли и на правах взрослых собак сидели на привязи, на заднем дворе. Ежедневным и обязательным ритуалом для Сашки было посещение близнецов по приходу из школы.

Как-то в ноябре, с Григорием приключилась неприятность, или какой черт его укусил, в общем случился с ним приступ участливого отца. Прежде не интересовавшийся, успеваемостью детей в школе, вдруг потребовал у Сашки дневник. Оценки были сплошь четыре и пять, но в самом низу предпоследней из заполненных страниц, зияло написанное красной ручкой обращение к родителям, явиться в школу, для разъяснения сложившихся обстоятельств. Приступ тут же отступил, и Григорий передал дневник Наталье. Наталья на следующий же день отправилась в школу на разговор с классным руководителем Сашки. Петр Семенович пояснил, что Сашка подрался с сыном председателя сельского совета, Колей. Последний задирает его и обзывает, Сашка долго терпел, но позавчера не выдержал и разбил ему нос. От Сашки требовалось извиниться перед Колей и его родителями, так же пришедшими для получения объяснений. Сашка молчал и опустив глаза выслушал обвинение, а потом встал и неожиданно для окружающих, да и для самого себя, завопил своим еще тонким голоском:

– Нет! Я не буду извиняться, он сам виноват!

Затем пулей вылетел из класса и бегом помчался к выходу. Наталья же, еще некоторое время поговорила с родителями Коли и Петром Семеновичем и пообещав принять меры, так же удалилась. Сашка дождался ее у ворот школы, и молчком поплелся вслед за ней. Наталья усиленно делала вид будто она его не замечает. Наконец Сашка не выдержал, довлеющего укора, и затараторил, чуть обогнав Наталью:

– Мам, ну я же не виноват, он сам полез. Ну и что, что у меня таких кроссовок нет. Он меня нищим назвал, – Наталья сжала губы и молча взяла его за руку. Сашка продолжал тараторить и некоторое время спустя, уже серьезно спросил, – Мам, а мы не нищие?

Наталья взглянула куда-то вверх и ответила:

– Нет, сынок у нас все в порядке, просто некоторые люди сами зажрались и детей своих тому же учат.

Как бы то ни было, Сашку наказали. Мера пресечения выбрали стандартную, запрет прогулок и игр даже во дворе. Ранним вечером пришла Маша, ее в дверях встретила Наталья. Маша поздоровалась и спросила:

– А Саша дома?

– Дома, только он никуда, не пойдет – он наказан.

На разговор вышел Саша и понуро поприветствовал подругу, а она поинтересовалась, периодически поглядывая в сторону Натальи:

– Саш, а где твои собаки?

– За домом привязаны, – без колебаний ответил он.

– Их там нет, я через забор видела.

Сашка рванул на улицу прямо в домашних тапках. Собак на месте не было. Обследование остального двора результата так же не дали. Тогда он вбежал обратно в дом и перекосив лицо завопил:

– Мама, где собаки?!

Наталья только пожимала плечами, она действительно ничего не знала об исчезновении собак, недоумевая куда они могли подеваться. И даже сходила на задний двор и самостоятельно обошла все постройки. Собак не было, равно как и привязи. Осталась только проволока, натянутая между столбов, вдоль которой они бегали.

К вечеру пришел Григорий, разулся и уселся за стол. Наталья, впившись в него строгим, оценивающим взглядом, сразу спросила:

– Ты куда собак дел?

– Отдал, – тут же ответил Григорий.

– Значит щенками ты их не отдал, а вот теперь решил отдать?

– Да.

Сашка, услышав об этом ревел навзрыд весь вечер, да так и уснул. А по утру выглядел собранным и злым. Молча позавтракал, собрался и отправился в школу. Дальше на попытки его разговорить реагировал точно так же, как вела себя мать в случаях его провинности, острым игнорированием. Так прошел и следующий день. Теперь Наталья решила сменить тактику и стала подсылать к нему Татьяну. Она считала, что на правах человека мало что решающего, а значит находящегося до некоторой степени в угнетенном состоянии, она для Сашки будет более располагающим собеседником. И не ошиблась. Уже на следующий день, Сашка смеялся над шутками и даже пытался рассуждать:

– А может собакам на новом месте лучше. И может их не сажают на цепь, и они могут гулять и играть сколько хочется?

Этими своими размышлениями вгонял в умиление мать. И прошибал в корке юношеского цинизма Татьяны брешь, в которую нещадно лезли сантименты, так отвратительные всякому подростку.

На этой же неделе в дом по соседству въехало семейство Крючковых. Семья была большая, помимо супругов включала в себя четверых детей: шестнадцати, тринадцати, десяти и шести лет.

Теперь в компании Сашки и Маши появился Илья. И вот уже сколоченная шайка, орудовала по окрестности, то обследуя полуразвалившийся совхоз, то лазая по окончательно заброшенной пилораме.

Прошел где-то месяц. В один из дней осенних каникул, Сашка пришел с улицы и увидел в пороге новые, отцовские унты. Наталья усадила его обедать, и по обыкновению спросила:

– Что делал?

– Ходили с Машкой в совхоз, и на старое стрельбище, гильзы нашли.

Покопался в кармане, вытащил пригоршню уже порядком окислившихся пистолетных гильз. Сунул их обратно и уже хотел ухватить грязной рукой кусок хлеба, но Наталья, запричитав погнала его к раковине. Сашка с неохотой вымыл руки и уселся за стол. После обеда потянулся и по-хозяйски принялся разглядывать новые унты, при этом приговаривая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.